

Рокотов Ф. С. 1985 / XII

НЫНЕ принято думать, что Федор Степанович Рокотов родился под Москвой и был крепостным князей Репниных. Совсем недавно нашлось написанное им ходатайство, в нем художник просит освободить от крепостного состояния своих племянников. А до той поры считали, что Рокотов — пскович из обедневших дворян. Вечная история: неизвестны в точности ни дата рождения, ни место рождения великого мастера. Неизвестны его детство, отрочество, начало. Обнаружены очень немногие документы, и теперь мы хотя бы знаем, что живописец Федор, как называл художника Ломоносов, родился в 1735 году, а в восьмидесятых годах жил между Земляным валом и Басманной в Москве.

Но все-таки в Ленинграде встречала я людей, утверждавших, что Рокотов — сын солдата, появился на свет возле казармы Преображенского полка. И в Пензе тоже кое-кто предполагает Рокотова земляком. Даром, что ли, так тесно был он дружен с Николаем Еремеевичем Струйским, владельцем пензенской в те времена Рузаевки? Все хотят считать гения особо близким себе, особо родным. Слово и без землячества не близок нам художник, создавший галерею идеальных человеческих образов...

Не вознесем мы великими чинами,
Когда сим чины не вознесутся нами,
Великий человек,
Кто как ни думает,
Великий господин,
Кто чин большой имеет,
Великий человек — кто много разумеет,
Локк не был господином великий
В весь свой век,
Ни нонь Калигула — великий человек.

Это стихи Сумарокова, близкого приятеля Федора Степановича и модели удивительного рокотовского портрета. Размышлением о нравственном здоровье, о подлинном человеческом достоинстве звучат старинные тяжелые строки. Ныне наступает время нового прочтения поэзии XVIII столетия, и одним из путей к этому, без сомнения, будет живопись той эпохи. Полотна великого плеяды Антропова, Аргунова, Вешнякова, Левицкого, Боровиковского. И нежнейшего из них, того, чье искусство обладает высокой сердечностью, ненавязчивым глубоким интеллектом, а главное — редчайшим и, на мой взгляд, важнейшим из художественных достоинств — прелестью. Это Федор Рокотов.

Всегда гляжу на московские дома XVIII века как бы примериваясь: могли ли жить здесь персонажи Рокотова? Есть два маленьких полудворца — один в Плотниковом переулке на Арбате, другой где-то на Таганке. Я воображаю, что одним из них будто бы владела странная чета Струйских — Николай Еремеевич и его жена Александра Петровна. Знаю, что можно точно хотько обнаружить, где они жили, но для меня дело тут не в факте, а в возможности ассоциаций.

Дома, которые я имею в виду, с фасада прекрасны своими венками, вазами, легкими колоннадами, полуциркульными дверями. Со стороны двора они мрачны, в замковых камнях лепнины над длинными темными окнами изображены рычащие львы. Вспомните парные портреты Струйских из Третьяковской галереи — и вы поймете мои ассоциации.

Подозрительное, измученное каким-то неотвязчивым скверным чувством — ревностью или завистью — смотрит на нас длинное, явно восточное лицо Струйского. С трудом остановившиеся черные глаза с желтоватыми белками, косо стесанный подбородок, торчащее из-под пудреной бубли малюсенькое ухо... Это что же, разоблачительный портрет в галерее идеальных героев Рокотова? Кто же такой хозяин знаменитой Рузаевки, построенной якобы по проекту Растрелли? В 1916 году была опубликована «Повесть о рождении моем...»

пензенского вице-губернатора Долгорукова, служившего при Екатерине II. Там сказано:

«Этот самый... Струйской, влюбясь в стихотворения собственно свои, издавал их денно и нощно... учредил типографию собственно свою и убивал на содержание ее лучшую часть своих доходов... Изступления подобного, когда о стихах говорили, я не выдвигал. Все обращение его впрочем было дино...»

Вот это да! Значит, рядом с блистательной поэзией явилась в XVIII веке и графомания, да еще какая. И что за возможности «собственно свои» были у бога-

тейшего помещика-графомана! В одном библиофильском собрании я видела томик издания Струйского. То были подобранные им «Максимы» Франсуа Ларошфуко. Нравилась ему — вообразите — суждения о жестокости человека. Неудивительно, и расскажу почему.

В замечательном издании прошлого века — «Русском архиве» за 1865 год, — со слов того же вице-губернатора Долгорукова, М. Лонгинов опубликовал «Несколько известий о пензенском помещике Струйском»:

«Сназывали... что до стихотворческого пристрастия был наклонен и юридическим управлением, делал людям своим допросы, судил их, говорил ЗА НИХ и ПРОТИВ... вводил самую даже пытки... Ежели то было так, то какой удивительный переход от страсти самой зверской к самым кротким и любезным... трудом, и сочинению стихов... Нет, — продолжает Лонгинов — я этому не верю, истинно не верю! Впрочем, кто знает, что такое человек?.. Подвизимся и замолчим».

Бывший крепостной Федор Степанович Рокотов мог считать богатыря-крепостника Струйского поклонником своего таланта. Струйский восхитился художником, собирал его произведения, писал ему оды (!). Может, Рокотов не знал о лжесудах в Рузаевке? Вспомните в портрете вельможи, и вы поймете, что художник очень верно понял маньяка Струйского. Рокотовский персонаж истерически перевозен, губы кривятся, глаза смотрят вниз — словно бы на того, кто молит у него прощения и простерся перед ним ниц. Кажется, что полуфигура в зеленом камзоле движется, трясется в клубящихся серо-желтых парах фона. Реставраторы скажут, что портрет Струйского плохо сохранился. Но отчего же? Он ведь писан в том же 1772 году, что и парный к нему портрет Александры Петровны. Тем же красками, на такой же льняной холстине. Вместе с другими работами Рокотова он висел в парадном зале Рузаевки. Все остальные картины более или менее хорошо сохранились, а красочный слой портрета вельможи нездоров? Почему? Производил ли тут Федор Степанович некие колористические эксперименты, чтобы цвет передал испуганную зеленоватую бледность странного злого лица? Да уж, в этом-то портрете нет прославленного «теплого подмалевка» Рокотова, отчего его персонажи навсегда остались румяными и молодыми.

ДАЛИ ИСКУССТВА

Александра ПИСТУНОВА

ВОЛШЕБНИК РОКОТОВ

К 250-летию со дня рождения

Другое дело — портрет Александры Петровны Струйской, семнадцатилетней Сашеньки Озеровой, второй жены безумца, истязателя и графомана. Это несравненный холст выдержал испытание временем. Его не коснулись перемены вкусов и отношения к живописи Рокотова, его плотный красочный слой хорошо сохранился, и если вы взглянетесь в поверхность картины, то сможете понять, отчего ученые прозвали «панцирной» и плотную поверхность красок Рокотова. Печальные добрые глаза Александры Петровны, фарфоровый румянец ее белокожего русского личика, пелельный локон высокой прически, мерцающий из-за плечей серебристый свет столько раз привлекали к себе зрительские взоры. Этот портрет — не только явление классической русской живописи, но факт нашей отечественной культуры, являющей красоту собою и честью человека. Юноши разумнице предстоит дожить до 86 лет, сделать бабушкой трагического поэта Александра Полежаева, единственной, кто не оставил автора поэмы «Сашка» до его смерти. Александрой Петровной восхитился. Свечение ее личности — в стихотворении Заболоцкого «Портрет»:

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Ты помнишь,
Как из тьмы былого
Едва закутана в атлас,

С портрета Рокотова моего
Смотрела Струйская на нас?
Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбна, полууплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач,
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полудиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мун.

Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.

Стало обычаем историков мировой культуры сравнивать Рокотова с английским живописцем примерно его же времени Тома-

сом Гейнсборо. Верно: сдержанность, глубина, задумчивое проникновение в человека одни и те же у русского и у англичанина. Однако Гейнсборо холоднее Рокотова. Рокотов радостнее, теплее: мы слышим пение, смех, чтение стихов, музыку маленького оркестра, играющего на хорах... Эту московскую интонацию можно почувствовать в таком полотне Федора Степановича, как портрет маленького цесаревича Павла. Портрет замечательный. Ребенок, которого еще не научили быть злым, самовластным, хитрым. Всего только ребенок. Его стесняет парадный камзол, ему хочется шалить, бегать, веселиться. И, однако, тягота царственного положения сквозит в его усталом открытом взоре. Этот холст я всегда сближаю с шедевром Веласкеса, портретом инфанты Маргариты; один из его вариантов находится в собрании киевского Музея западной живописи. Сближаю вовсе не потому, что дети у Рокотова и Веласкеса стоят на одной и той же социальной ступени. Но потому, что ступень эта оставила в детской душе один и тот же след принуждения, ранней скованности. А всепроницающие глаза великих художников с сочувствием увидели угнетение и угнетение детства. Рокотов вообще с особой нежностью писал и понимал детей. Пламенную веру в человечность, которая навсегда сохранится такой, какова она в душе ребенка, обязательно чувствуешь в рокотовских мальчиках и девочках. А когда Федор Степанович находит что-то детское в старцах, в светских красавицах, в тем более в людях искусства, он непременно подчеркивает эту черту, любит ее. Ведь это — так говорил Грабарь — «волшебник Рокотов, изысканнейший из русских живописцев... отмеченный печатью сверкающего дарования».

Мой ленинградский приятель, тот, что настаивает на своем землячестве с Рокотовым, однажды прочел мне возле Суворовых две строфы Хераскова:

Не титла славу нам сплетают,
Не предков наших имена —
Одни достоинств венчают,
И честь венчает нас одна...

Будь мужествен ты в ратном поле,
В дни мирны добрый гражданин;
Не чином украшайся бле,
Ссбою украшай свой чин.

Рокотов написал целую эпоху — несколько поколений лучших людей времени. Разве одних только лучших? Вот вспоминали же мы крепостника Струйского. А как тонко разоблачил Рокотов важную Фемиду-Екатерину, приторно ласковую, холодную. Кстати — портрет коронационный. А веселый пустой нахал Григорий Орлов и его хитрый, осторожный старший брат Иван? А тяжелый, жесткий дипломат Обресков? И все же главные в рокотовской галерее — лучшие люди его времени. Те, которых он любил, на которых надеялся, с которыми дружил. Кто же они? Ведь добрая половина рокотовских портретов не атрибутирована. Чтобы различать, добавляют: неизвестная в белом платье, неизвестный в гвардейском мундире. Ученые исследуют модели великого художника. Нужно ли это зрителям? Очень. Ведь всякий обязан быть историком своей страны, должен понимать, что искусство наше — одно из славаемых великой духовной жизни нашего Отечества, и оно всегда ставило своей целью узнать конкретного человека, запечатлеть его, утвердить идеал личности.

В 1708 году во Франции появилась книга о принципах портретной живописи, где ее автор Роже де Пиль настаивал: «Портреты должны казаться говорящими нам: стой! Смотри, я то самый непобедимый король, исполненный величия... Я тот великий министр, которому известны все интриги политики». Федор Степанович Рокотов опроверг эти принципы портрета. Он писал правду о людях, любил их. Потому, должно быть, не так много у Рокотова королей, министров, больше — «неизвестных».

В тамбовском музее вы можете увидеть один из перлов Рокотова — это юная черноглазая Анна Бутурлина, схожая с Наташей Ростовой из «Войны и мира». Мог ли знать этот портрет Толстой, мог ли дать черты Анны своей Наташе? Все вероятно...

...Брожу по Москве между Земляным валом и Разгуляем вхожу во дворы Токмакова на реулка. Ищу камни, стены и ворота, которые мог видеть Рокотов. Возле них пуховые сугробы, голубь вздрагивает под зимним солнышком на кирпичном столбе. Нежная тишина стоит над рокотовской Москвою. Он будоражит память героическою мечтой о прошлом. Друг Рокотова Херасков сказал бы:

...Те ж...
когда мы век скончаем
В жизни будущей встречаем
Наши прежние дела
В книге и добра, и зла.

Ф. РОКОТОВ. «Портрет А. П. Струйской».